

книга 4

Волчица

ОХОТА НА ЧЕЧЕНЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Волчица. Охота на Чеченца

<https://litres.ru/74219864>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я больше не называю себя Алисой. Она умерла в тюрьме, ее убили и воскресла совсем другая женщина. В ней нет жалости, нет сочувствия. Она живет и дышит мстью и желанием вернуть своего любимого...

Содержание

Глава	4
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	53
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Волчица. Охота на Чеченца

Глава

ВОЛЧИЦА. ОХОТА НА ЧЕЧЕНЦА

Книга 4

Ульяна Соболева

АННОТАЦИЯ:

Волчица:

Я больше не называю себя Алисой. Она умерла в тюрьме, ее убили и воскресла совсем другая женщина. В ней нет жалости, нет сочувствия. Она живет и дышит мстью и желанием вернуть своего любимого сына.

Я уничтожу их троих...тех, кто разрушил мою жизнь. Один растоптал мое сердце и украл у меня сына, вторая отобрала моего любимого и женила на себе, а третья...третья убила меня саму.

Чеченец:

Я познал все грани ненависти, всю бездну отчаяния и боли. А когда открыл глаза, увидел ту, что меня уничтожила...Сквозь марево смертельного кайфа, сквозь туман отчаяния я чувствовал только одно — как же сильно я ее ненавижу-люблю. Смертельно. Отравляюще. А она хочет, чтоб я

сдох...Но я сдохну только вместе с тобой, малышка! Мы отправимся в ад вдвоем!

Глава 1

Три года назад...

Солнце уже давно зашло, когда я вернулся домой. Усталый, злой. День был адский. Я терял все. Шаг за шагом рушился мой бизнес, моя карьера. Мой агент ушел от меня, партнеры разорвали контракты, у меня не было чертовых денег платить даже адвокату, которому я поручил вытащить Алису из этого дерьма за шкуру. В голове гудело, хотелось выпить. Я только переступил порог кабинета, как телефон завибрировал. Сообщение. Неизвестный номер. Видео. Черт, опять эти шутки. Но что-то внутри подсказывало — это не просто шутка. Я сел на кровать, открыл сообщение. Начал смотреть. Первые секунды — непонимание. Потом шок. На экране моя жена Алиса. И Валид. Мой лучший друг. Сначала я не мог поверить своим глазам. Они... они занимаются сексом. Откровенно, мерзко, пошло. Я не хотел верить, что это она...но я видел округлый живот, белые волосы и в некоторых кадрах ее лицо с закрытыми глазами и приоткрытый рот искаженный в столах.

Каждая сцена была по мне, как молотом. Казалось, сердце остановилось, дыхание сперло. Я рычал от боли, но не мог оторваться от экрана. Это была агония, которую я никогда раньше не испытывал. Кровь прилила к лицу. Глаза налились

яростью. Я взревел, как дикий зверь. Боль пронзила грудь. Ощущение, что внутри всё сгорело, разрушилось. Кричал, хрипел, сбивая руки о стены. Крушил всё, что попадалось под руку. Мебель, лампы, книги — всё летело к чертям. Весь мой мир рухнул за несколько минут. Предательство от человека, которому я доверял больше, чем себе. Алиса, женщина, которую я любил... да что там любил я ее боготворил, я ее возносил в великомученицы, я ее обожал и готов был стоять перед ней на коленях... готов был принять от нее чужого ребенка. Лох. Рогоносец.

Валид, брат, друг, который был рядом в самые тяжёлые моменты. Они оба предали меня. Вонзающийся в сердце нож не причинял бы такой боли. Сквозь рев и хаос, я продолжал смотреть видео. Каждый кадр словно пытался уничтожить меня. Я чувствовал, как сгораю изнутри. Гнев и ненависть разрывали меня на части. Я бил кулаками по стенам, пока не почувствовал, как кости трещат. Боль физическая, но не сравнимая с той, что разрывала мою душу. Кричал, пока голос не сел, пока горло не начало кровоточить.

Валид... Этот ублюдок. Он знал, что Алиса для меня всё. Он знал, и всё равно сделал это. Как он мог? Сука! И она... Как она могла? Почему? Вопросы роились в голове, но ответов не было. Боль, только боль и гнев. Они заполнили всё. Я ненавидел их обоих. Хотел уничтожить. Разорвать на куски. Вырвать сердце из груди. Я метался по комнате, словно раненый зверь. Меня знобило и одновременно я обливался по-

том. Валид был мне как брат. Мы вместе прошли через огонь и воду. Доверял ему, как самому себе. А он вонзил нож в спину. Подонок. Я не могу поверить, что это реально. Но это правда. Они оба предали меня. С каждым новым ударом, с каждой новой вещью, разбивающейся об пол, я пытался вытеснить эту боль. Но она не уходила. Боль крепко вцепилась в меня, как голодный дьявол. Я чувствовал, как теряю контроль, как гнев полностью захватывает меня.

Я схватил телефон, хотел разбить его о стену, но вместо этого вновь включил видео. Зачем? Не знаю. Может, хотел убедиться, что это реальность, а не какой-то кошмарный сон. Но каждое новое воспроизведение только усиливало боль. Я был готов разорвать этот телефон на куски, но вместо этого уставился на экран. Хотел кричать, но больше не мог. Голос пропал, остались только хрипы. Легкие горели, словно я проглотил огонь. Я рухнул на пол, обхватив голову руками. Слёзы текли по щекам, смешиваясь с кровью, капавшей с рук. Никогда не думал, что буду плакать. Но эти слёзы были как лава, выжигавшая всё внутри. Как они могли? Этот вопрос крутился в голове, словно заевшая пластинка. Алиса, Валид... Как вы могли? Моё сердце разрывалось от боли, я не мог дышать. Хотелось умереть, исчезнуть, чтобы не чувствовать этого адского огня внутри. Я лежал на полу, чувствуя, как мир рушится вокруг. Мои мысли были хаотичными, острыми как битые осколки. Все, что я знал, всё, что любил, было разрушено. Алиса, Валид... Эти имена теперь причи-

няли только боль. Я ненавидел их. Клялся, что они об этом пожалеют. Алиса... она была смыслом моей жизни. А теперь стала источником самой большой боли.

Валид был мне ближе, чем брат. Мы делили всё: радости, горести, кровь и пот. Но этот ублюдок... он перешел черту. Я знал, что никогда не прощу его. Никогда. А Алиса... её образ теперь будет преследовать меня до конца дней. Её предательство резало меня на части. Кто прислал это дерьмо? Кто, блядь его прислал? Но номер скрыт, Я приказал своему человеку отследить и найти кто это сделал. Потом позвал Кемаля. Спросил знает ли он про Алису и Валида... И он ответил, что знает. Тогда я разбил ему лицо...

Сквозь слёзы и хрипы я чувствовал, как гнев наполняет меня. Я не позволю им уйти от ответственности. Они заплатят за это. Я встану, соберу все силы и уничтожу их. Валид, Алиса, гребаная Амина... Все, кто причинил мне боль. Я найду их, и они пожалеют, что связались со мной. Я поднялся с пола, дрожащий от гнева и боли. Внутри всё горело, но это пламя давало мне силы. Я знал, что должен сделать. Я отошщу. Они не уйдут от расплаты. Я сделаю всё, чтобы они почувствовали ту же боль, что и я. Каждый из них.

Глава 2

Ночь. Темнота вокруг, как в аду. Холодный ветер режет лицо. Я иду, сквозь снег, сквозь эту чертову ночь. Внутри меня огонь. Гнев. Бешенство. Найду Валида. Найду и убью. Он не заслуживает жизни после того, что сделал. Моя кровь кипит, сердце колотится, как у загнанного зверя. Внутри меня только одно — месть. Прошло несколько дней, но я нашел его. На задворках города, в грязной квартире. Валид сидел, расслабленный, не ожидая меня. Увидел меня и побледнел. Понял, что пришел его конец. Я не дал ему и шанса оправдаться. Да он и не пытался...он был явно под чем-то. Отстраненный, с расширенными зрачками, не произносящий ни слова. Схватил его за волосы и ударил об стол. Кровь брызнула. Его глаза расширились от ужаса.

- Марат, подожди! Не надо, брат...я не...я расскажу...объясню...— кричал он, но его слова были как яд для меня. Я ударил его снова и снова.

- Объяснить? После всего, что ты сделал? После того, как ты предал меня? — рычал я, не останавливаясь. Мои удары были сокрушительными, каждая кость в его теле трещала под ними. Кровь лилась рекой, заливая всё вокруг. Я схватил кинжал, который всегда носил с собой. Кавказский кинжал,

символ чести и мести.

- Ты знаешь, что это значит? — прошипел я, приближая лезвие к его горлу. Валид застонал, его глаза наполнились слезами.

- Марат, прости... Я не хотел... — но его слова только разжигали мой гнев. Я полоснул его по лицу. Кровь брызнула фонтаном. Он захрипел, хватаясь за рану. Я смотрел на его агонию, не чувствуя ни капли жалости. Но этого было недостаточно. Я хотел, чтобы он страдал больше. Схватил его за волосы и потащил на улицу.

- Ты умрешь, как предатель, Валид. Как пес, — сказал я и поволок его по снегу в лесопосадку. Там я продолжил. Удар за ударом. Его крики разносились к макушкам елей, но мне было всё равно. Я был мстить, я был смерть.

Сломал ему ноги, руки. Он больше не мог сопротивляться. Его тело было изломано и покрыто кровью. Он лежал, жалкий и жалобный, но я не остановился. Взял камень и разбил ему череп. Кровь и мозги брызнули мне на лицо, но я не остановился. Хотел, чтобы его смерть была мучительной, чтобы он запомнил каждую секунду. Когда его судороги наконец затихли, я стоял над ним, тяжело дыша. Кровь капала с моих рук. Я убил его. Моя мсть свершилась. Но это было только начало. Я взял лопату, лежащую неподалёку, и начал копать яму. Глубокую, чтобы никто никогда не нашёл его тело.

Каждый удар лопаты в землю был как удар по моему серд-

цу. Я копал, чувствуя, как ярость понемногу уходит. Но боль оставалась. Предательство Валида, его измена — всё это было как кислота в моей душе. Я не мог простить, не мог забыть. Земля была твёрдой, но я копал, пока яма не стала достаточно глубокой. Бросил его тело в яму, глядя, как оно падает в темноту. Внутри меня всё кипело. Я знал, что это не конец. Но это был первый шаг. Первый шаг на пути к справедливости. Я засыпал яму, чувствуя, как с каждым ударом лопаты моя боль становится острее. Земля покрывала его тело, и я понимал, что это был конец для Валида. Но не для меня. Когда я закончил, я стоял над могилой, тяжело дыша. Луна светила ярко, освещая эту картину. Я плюнул на могилу.

- Ты заслужил это, ублюдок. Ты предал меня, и это твоя расплата, — прошептал я, чувствуя, как гнев постепенно уходит. Я закинул лопату на плечо и пошёл прочь. Лес молчал, но я знал, что он видел всё. Шёл по снегу, чувствуя, как холод проникает в кости. Но внутри меня был огонь. Я сделал первый шаг на пути к мести. Моя душа кричала от боли, но я знал, что должен продолжать. Ради себя, ради своей чести. Я отомщу всем, кто предал меня. Валид был первым. Но далеко не последним. Я ехал домой, чувствуя, как усталость наваливается на меня. В голове крутились мысли о следующем шаге. Алиса, Амина — они должны заплатить. Я не остановлюсь, пока не увижу их на коленях, умоляющими о пощаде. Моя жизнь больше не будет прежней. Но это

не имеет значения. Теперь у меня есть цель, и я сделаю всё, чтобы её достичь.

Сию в пустой комнате, чувствую, как ярость кипит внутри. Весь мой мир разрушен, разбит на осколки. Алиса, сука такая. Её лицо, её улыбка - теперь только яд для меня. Узнал об измене, словно разлагался заживо. Хотел убить её, разорвать на куски. Но потом понял - её наказание должно быть хуже смерти. Тюрьма, одиночество, боль - это её ад, который я ей устрою. Я не могу жить в мире, где её нет, но она должна страдать. Были мысли... Много разных мыслей. Зачем тогда она пришла и призналась. Чтобы что? В этом моменте не сходилась. Я впивался в свои волосы и пытался найти ответы. Кемаль был рядом... Я спрашивал его когда это началось и как. Он говорил что не знает.

- Тогда зачем она пришла и села вместо меня?
- Спряталась от твоего гнева...
- Но я не знал о них с Валидом!
- Я знала!

Мадина вышла из тени и я вздрогнул, увидев ее бледное лицо с горящими темными глазами.

- Я узнала и заставила ее признаться в том, чего ты делал. Чтобы она сидела, а не ты. Я пригрозила, что ты узнаешь и убьешь ее. Что лучше для нее сесть и спрятаться от тебя.

И это было правдоподобно... намного более правдоподобно чем если бы она захотела спасти меня. Идиот... а ведь я

почти поверил, что она могла бы меня полюбить. Стиснул кулаки и зарычал. В глазах потемнело. И еще одна рана от которой подгибаются колени и дыхание со свистом вырывается из сжатых челюстей.

Адвокат Виталий Сергеевич Громов сидит напротив. Он знает, что я на грани, что ярость готова выплеснуться наружу.

- Марат, всё будет сделано, - говорит он, его голос ровный, спокойный. - Ты можешь на меня рассчитывать.

- Она подпишет документы о разводе, - говорю я, чувствуя, как слова вырываются сквозь стиснутые зубы. - И ты не будешь её вытаскивать. Пусть сидит. Пусть страдает.

Виталий кивает, понимает. Он видит мою боль, мою ненависть. Он знает, что сейчас лучше не спорить. Алиса... А ведь я почти поверил. Когда-то она была всем для меня. Теперь только ненависть. Предательница, вонючая шлюха... Обыкновенная шлюха, которую я вознес на пьедестал. Думаю о Шахе, о той ночи. Может, она пришла к нему не ради Шамиля. Может, она пришла за новой порцией кайфа. Развратная дрянь. Я не уверен больше ни в чём. Её оправдания, её ложь - больше не имеют значения. Виталий уходит. Я остаюсь один. В комнате тихо, но внутри меня бушует буря. Хочу разорвать что-то, кого-то. Но держусь. Вспоминаю её

лицо, её предательство. Это помогает. Я не могу её простить. Не хочу. Пусть её жизнь будет адом. Это моя месть.

Проходит несколько дней. Виталий возвращается с новостями.

- Она подписала, - говорит он, кладя документы на стол. - Всё сделано. И никто не будет пытаться её вытащить.

Я смотрю на бумаги, чувствую, как внутри меня что-то сжимается. Это конец. Конец нашей истории.

- Когда я уезжал...ее забрали. Рожать.

- Хорошо, - говорю я, стараясь сохранить спокойствие, игнорируя новость о ее родах. Насрать на нее и ее ребенка, на ублюдка Шаха. Плевать, что с ним будет. Но внутри всё ещё кипит. Её лицо перед глазами. Её предательство. Я не могу забыть. И никогда не смогу. Возвращаюсь домой, чувствую, как пустота разрастается внутри. Каждый уголок этого дома напоминает о ней. Я ненавижу это место, но не могу уйти. Это мой дом, моя крепость. Я должен остаться здесь, несмотря на боль. Вечером сажусь на диван, включаю телевизор, но не смотрю. В голове только мысли о ней. Что она делает сейчас? Как прошли роды? Где она сейчас и жив ли ребенок... Какого черта меня это должно волновать. Плевать на суку! Чем больнее ей тем лучше для меня. Я должен забыть эту тварь, но не могу. Её образ преследует меня, как тень. Я ненавижу её, презираю, но не могу жить без мысли о ней.

Адвокат звонит, сообщает, что всё в порядке. Алиса жива и ребенок жив. Я чувствую облегчение, но это не радость. И,

наверное, больше никогда не узнаю, что это такое – радость!

Глава 3

Мне плевать на все что происходит вокруг. Сажу в темной комнате, бутылка виски в руках. Глаза горят, в голове туман. Всё летит в пропасть. Бизнес разваливается, карьера катится к черту. Но мне плевать. Живу в этом пьяном угаре, стараюсь забыть всё дерьмо, что окружает меня. Ее забыть... Не думать о ней, не чувствовать, как разъедает серной кислотой внутренности.

Дверь открывается, входит Рустам. Агент, который заключал для меня контракты на бои, можно сказать мой друг. Он смотрит на меня с презрением. А мне насрать. Меня не волнует ничье мнение.

- Марат, нужно поговорить, — начинает он, голос холодный, решительный. Я отмахиваюсь, не хочу слушать.

- Пошёл ты, Рустам. Уходи, если пришёл с нотациями, — рычу я, делая большой глоток.

- Ты слушай меня, сука, — отвечает он, подходя ближе.
- Твой бизнес разваливается, Марат. Ты в полной заднице. Контракты не поступают, потому что в таком состоянии ты не можешь драться как раньше. Только не официально. Я больше не могу это терпеть. Я ухожу. Мне тоже хочется жрать, у меня жена и дети. Ты мне не платишь уже три месяца.

Я смотрю на него, глаза наливаются яростью.

- Ты хочешь бросить меня? В трудный момент? — спрашиваю, стараясь удержать равновесие.

- Это не трудный момент, Марат. Это конец. Ты потерял контроль. Тебе плевать на всё. Я пытался помочь, но ты не слушаешь. Ты просто пьёшь и теряешь себя.

Его слова, как нож в сердце, но я не показываю боли.

- Иди на хуй, Рустам, — говорю я, голос мой полон ненависти. - Тебя никто не держит.

Он кивает, его глаза полны разочарования и даже боли.

- Ты сам себя убиваешь, Марат. И я не собираюсь тонуть вместе с тобой. Он разворачивается и уходит, дверь закрывается за ним с грохотом. Я остаюсь один, в тишине и тьме. Выпиваю остатки виски, чувствуя, как пустота становится глубже.

Проходит несколько дней. Мне говорят, что состояние Шамиля ухудшается. Он перестал есть нормальную еду, начал грызть мел, поедать траву во дворе. Снова ходит под себя, перебирает пищей. Пытаюсь с ним говорить, но он не реагирует. Крутится вокруг своей оси на носочках, словно потерянный в своём мире.

Попытался тронуть его, но он закатывает истерику, бьётся головой о стены. Его крики разрывают мне сердце, но я не знаю, что делать. Алиса тварь исчезла из моей жизни, Рустам ушёл, Кемаль отдалился. Я один, с пустотой и беспо-

мощностью. Пью больше, чтобы забыться, но это не помогает. Каждое утро – как новый ад. Сажу на кухне, бутылка передо мной. Глаза пустые, мысли тяжелые. Вижу, как Шамиль снова крутится, его глаза пустые, словно кукольные. Боль пронзает меня, но я не могу ничего сделать. Я потерял всё, что имел значение. Моя жизнь – это пустота и боль.

Стук в дверь. Входит няня, её лицо полное тревоги.

- Марат, что-то нужно делать. Состояние Шамиля ухудшается. Он не может так дальше. Нужно что-то делать.

Я смотрю на неё, не зная, что ответить.

- Что я могу сделать? Он мой сын, но я не знаю, как ему помочь.

Она кивает, её глаза полны понимания.

- Может, интернат – это лучшее решение. Там о нём будут заботиться, помогут ему. Здесь он страдает.

Я опускаю голову, чувствую, как слёзы подступают к глазам.

- Черта с два мой сын пойдет в интернат, — шепчу я, голос дрожит. – Пошла вон отсюда. Иди и выполняй свои обязанности. Твое мнение никто не спрашивал. Еще раз придешь – вылетишь на хер.

Она кивает и выходит, оставляя меня одного. Я сжимаю бутылку, чувствуя, как внутри всё сжимается. Мой сын, моя кровь – я не могу ему помочь. Я потерял всё. И себя, и его. Пью залпом, стараясь забыть, но это не помогает. Пустота остаётся. Она заполняет всё.

Выныриваю из марева алкоголя и вижу Мадина сидит рядом, глаза её сверкают решимостью. Я пьяный, виски разливается по венам, туманит разум.

- Марат, — говорит она, её голос мягкий вкрадчивый. - Ты сам видишь, что с Шамилем ничего не сделать. Он неვნемный. Помочь ему невозможно. Интернат – это лучшее место для таких детей, как он. Там о нём будут заботиться круглосуточно. Мы можем платить, чтобы ему было хорошо.

Я смотрю на неё, глаза наливаются гневом.

- Ты хочешь, чтобы я отдал сына? — рычу я, отталкивая её. Встаю, шатаюсь, и иду к комнате Шамиля. Мадина остаётся позади, её лицо каменное. Я открываю дверь, и вижу его. Мой сын. Он сидит на полу, играет с игрушками. Но меня не видит. Меня не слышит. Его глаза пусты, как у манекена. Я присаживаюсь рядом, пытаюсь заговорить.

- Шамиль, сынок. Это я, папа. Ты слышишь меня? Но он не реагирует. Смотрит сквозь меня, как будто меня нет. Боль пронзает сердце. Мой мальчик, мой единственный сын. Почему? Почему это случилось с нами? Вдруг его лицо искажается. Он поворачивается ко мне, глаза его пылают диким огнём.

- Де Аляля, Аляля... Аляляяя! — кричит он, кидается на меня, руки его бьют по моей груди. Я хватаю его, пытаюсь успокоить, но он не унимается. - Аляля! Аляля! Кричит снова и снова, словно это единственное, что может сказать.

Я разворачиваюсь к няне, стоящей в углу.

- Что такое Аляля? — спрашиваю, голос мой полон отчаяния. Она опускает голову, вздыхает.

- Это Алиса, — отвечает она тихо. Боль пронзает меня снова. Алиса. Это её имя, её образ. Даже мой сын не может забыть её. Она стала его кошмаром. Моим кошмаром. Она въелась как болезнь в моего сына, в меня, в это дом.

Возвращаюсь к себе, руки дрожат. Наливаю остатки виски, выпиваю залпом. Горечь обжигает горло, но это не помогает. Поворачиваюсь к Мадине, её глаза полны ожидания.

- Устрой Шамиля в интернат, — говорю я, голос мой хриплый и пустой. Она кивает, лицо полно сочувствия, но мне оно не нужно. Я себя ненавижу в этот момент. Но мне кажется что больше нет выхода, меня разрывает от ярости, боли и бессилия. Только проклятая Алиса могла достучаться до Шамиля...Как и до меня.

Я снова один, в тишине своей комнаты. Мысли о сыне и Алисе крутятся в голове. Пустота внутри становится всё больше. Интернат. Это лучшее, что я могу сделать для него. Я знаю, что так будет лучше. Но боль остаётся. Внутри всё ещё горит огонь. Огонь ненависти и утраты.

Я сижу в кресле, смотрю в пустоту. Виски больше не помогает. Я знаю, что сделал правильный выбор. Но это не облегчает боль. Шамиль будет в интернате, а я останусь один. С пустотой и воспоминаниями. С огнём, который будет жечь меня изнутри снова и снова. Я закрываю глаза, пытаюсь забыть. Но образ Алисы, её голос, её предательство – всё это

остаётся со мной. И голос Шамиля, его крик "Аляля". Это будет преследовать меня всегда.

Её вещи. Везде. Вся жизнь Алисы, разложенная по полочкам, спрятанная в шкафах. Каждый предмет – как нож в сердце. Я не могу больше это терпеть. Её запах, её следы. Всё это должно исчезнуть. Навсегда. Резко встаю, открываю шкафы. Вытаскиваю её одежду, швыряю на пол. Платья, блузки, джинсы – всё летит в одну кучу. Всё. В каждом предмете – её призрак. Её улыбка, её ложь. Меня трясёт от ярости. Хватаю всё, что вижу, тащу на улицу. В голову бьёт мысль – сжечь. Сжечь до основания. Пусть исчезнет, пусть сгорит. Нет пути назад. Во дворе уже темнеет. Холодный ветер бьёт в лицо, но мне всё равно. Бросаю вещи на землю, на кучу. Достаю зажигалку. Огонь вспыхивает мгновенно, языки пламени жадно облизывают ткань. Глаза жжёт от дыма, но я смотрю, не отрываясь. Смотрю, как её жизнь превращается в пепел. Внутри пустота. Никакого сожаления я бы сжег ее саму если бы мог. Сжег бы, а потом...потом бы вошел в этот огонь сам и сгорел бы с ней дотла. Слышу, как из-за угла выбегает кошка Зулейхи. Николь...Ее шерсть тусклая, она вся грязная, как будто не один день провела на улице. Её глаза полны страха. Она бросается прочь, исчезает в темноте. Мне всё равно.

Теперь это ничего не значит. Бабушки нет...кому нужна какая-то кошка. Да и хрен я найду ее в темноте. Она ко мне не пойдет. Проклятая кошка тоже любила Алису. Пусть

всё сгорит, пусть исчезнет. Я сжимаю кулаки, чувствуя, как ярость постепенно утихает. Но пустота остаётся. Глубокая, непреодолимая пустота.

Возвращаюсь в дом, запах дыма следом. Наливаю себе очередную порцию виски. Одну рюмку, потом другую. Пью, пока не начинаю чувствовать головокружение. Алкоголь – единственный способ забыть, до беспамятства, а потом просыпаться и подышать, потому что накрывает снова. Единственный способ заглушить боль в моменте. Пью, пока всё вокруг не начинает расплываться. Становится тяжело дышать, но мне всё равно. Я напиваюсь в хлам, валюсь на пол. Голова тяжёлая, мысли спутанные. Только огонь и пустота.

Утро встречает меня жестоким похмельем. Голова раскалывается, рот пересох. Пытаюсь встать, но ноги не слушаются. В дверях появляются судебные приставы. Полиция. Их лица холодные, бесстрастные. Они пришли за этим домом. Заставляют покинуть его. Мне всё равно. Пусть забирают всё. У меня уже ничего не осталось. Сёстры выходят на улицу, их лица полны тревоги. Я смотрю на них, но не чувствую ничего. Пустота. Только пустота. Всё, что когда-то имело значение, теперь исчезает. Я чувствую, как мир вокруг рушится, но не сопротивляюсь. Меня вытаскивают наружу, ставят на ноги.

Сёстры пытаются говорить со мной, но я не слышу. Их голоса как в тумане. Всё вокруг не имеет значения. Меня

ведут к машине, усаживают на заднее сиденье. Едем прочь. Я смотрю в окно, но не вижу ничего. В голове только мысли о пепле, о сожженных вещах. Всё, что осталось от Алисы – это пустота и пепел.

Слышу голос Мадины.

- В мой дом поедem. Я всегда ждала возвращения домой.

А мне насрать куда мы едем, хоть в сам ад. Я бы спал на улице и не заметил.

Приезжаем в дом тети, где сестры жили до того как я забрал их к себе после смерти их матери и отца. Под свою опеку.

Меня усаживают на кровать, оставляют одного. Сёстры ходят по комнате, пытаются навести порядок. Я лежу, смотрю в потолок. Внутри всё горит. Пустота и огонь. Алкоголь больше не помогает. Только временное облегчение, которое проходит слишком быстро.

- Купи выпить, - хриплю я Мадине, хватая ее за руку.

- Может хватит, Марат...эта сука...она не стоит того, чтобы ты сходил с ума.

- Заткнись, твое мнение никто не спрашивал! Принесла виски!

- Так не может продолжаться..., - снова начинает она, но я толкаю ее в грудь так что она отлетает к стене.

- Просто купи виски и заткнись.

Она послушается. Они все привыкли меня слушаться.

Для них я пока еще всемогущий Марат Салманов. Ни хера...его уже нет. Он сдох. Он воняет и разлагается. Остался только зомби, который живет на алкоголе.

Вечером снова наливаю себе виски. Пью медленно, стараясь растянуть это ощущение забвения. Вспоминаю её лицо, её улыбку. Как всё это стало ложью. Как её предательство сжигало меня изнутри. Я снова чувствую ярость, но теперь она гаснет быстрее. Остаётся только усталость. Глубокая, непреодолимая усталость.

Проходит несколько дней. Сёстры заботятся обо мне, но я не реагирую. Мои мысли всё ещё в прошлом, в огне и пепле. Я пытаюсь найти смысл, но его нет. Жизнь стала чередой бессмысленных дней. Пью, чтобы забыть. Пью, чтобы не чувствовать.

Однажды ночью я выхожу на улицу. Холодный воздух обжигает лицо. Я смотрю на звёзды, но не чувствую ничего. Всё это – чуждо. Всё это – неважно. Моя жизнь – это пепел, и я не знаю, как это изменить. Я иду по улицам, пытаюсь найти ответ. Но его нет. Только пустота и огонь внутри меня. Виталий звонит, спрашивает, как я. Я не отвечаю. Он понимает. Он знает, что мне нужно время. Но время не лечит. Время только усиливает пустоту. Я не знаю, как жить дальше. Я не знаю, что делать. Остаётся только идти вперёд, шаг за шагом. Но каждый шаг – это боль. Каждый шаг – это напоминание о том, что я потерял.

Возвращаюсь в дом, ложусь на кровать. Сёстры уже спят. Я смотрю в потолок, пытаюсь найти смысл. Но его нет. Я закрываю глаза, надеясь, что сон принесёт забвение. Но даже во сне меня преследуют призраки прошлого. Алиса, её улыбка, её предательство. Всё это – как раны, которые никогда не заживут. Мне снится Шамиль и во сне он говорит...он говорит и убивает меня снова и снова.

«Ты предал меня, папа...Ты меня бросил... мне плохо...ты предатель...ты трус!»

Просыпаюсь в поту, всего трясет как в лихорадке. Теперь я уже пью для того чтобы быть нормальным... а не для того чтобы опьянеть. Потому что для опьянения теперь нужно нааамного больше.

Глава 4

Телефон на столе начинает вибрировать. Смотрю на экран — Аминат. Эта сука. Ненавижу её, но знаю, что она не отстанет. Отвечаю, грубо бросаю:

- Чего тебе?

Её голос холодный как лед, так бы и разодрал ей пасть и вырезал оттуда язык:

- Нам нужно встретиться, Марат. Это важно.

- Иди на хуй, — отвечаю, бросаю телефон на стол. Но через несколько секунд он снова вибрирует. Сообщение. Открываю и вижу фото. На нём одна из заключённых душит Алису. Руки начинают трястись. Всматриваюсь в посиневшее лицо и чувствуя как холодный пот катится градом по всему телу. Блядь. Сука. Долбаная, бешеная сука.

Сразу звоню обратно.

- Где и когда? — спрашиваю, стараясь держать голос ровным. Она смеётся:

- Через час, в вашем любимом с Шахом месте.

Я кидаю трубку и хватаю ключи. Тварь... специально выбрала это проклятое место! От одной мысли, что увижу эти стены начало тошнить.

Подъезжаю к заброшенному складу, где мыв последний раз слышал крики Алисы. Аминат уже там, её лицо выражает

абсолютное спокойствие. Мерзкая змея. Придет день, когда я сдеру с нее кожу живьем.

- Что тебе нужно? — рычу я, приближаясь к ней. Она смотрит на меня, её глаза ледяные.

- Мне нужен ребёнок Алисы, — говорит она. - Она должна отказаться от него. Как ты это сделаешь, меня не волнует. Я хочу получить этого ребёнка. Иначе Алиса умрёт.

Я смотрю на неё, ярость накатывает волной. "

- Пусть умирает, я с ней развелся, она мне никто! — отвечаю я, голос полон презрения. - Мне всё равно!

Она усмехается, достаёт телефон и начинает набирать номер.

- Хорошо, я сейчас дам команду, чтоб ее хорошенько отымали бутылкой во все дыры, а потом прикончили. Пусть всё будет по-твоему.

Я рву телефон из её рук и швыряю его на землю.

- Только попробуй, сука!" — кричу, дрожа от ярости и бессилия. На меня направлены дула сразу двух пистолетов.

Аминат смеётся, её смех звучит как оскорбление.

- Марат, ты думаешь, что можешь что-то изменить? У меня достаточно денег, чтобы устроить ей адскую кровавую смерть. Ты этого хочешь?

Я хватаю её за горло, прижимаю к стене. Мне плевать на ее кобелей с пушками.

- Ты не понимаешь, с кем связываешься! — шепчу я, глаза

налиты кровью.

Она смотрит на меня, её лицо искажено улыбкой.

- Алиса сдохнет, если ты не сделаешь, как я говорю. Выбирай или ты подчинишься мне или ее подчинят себе взбесившиеся суки лесбиянки.

Отпускаю её, отступаю. Внутри меня всё кипит. Хочу убить её, но понимаю, что пока это невозможно. Аминат все время смеётся, её смех режет по ушам.

- Ты знаешь, что делать, — говорит она, уходя.

Остаюсь один, мои мысли в хаосе. Алиса. Ребёнок. Внутри меня бушует огонь, но я знаю, что должен сделать выбор. Возвращаюсь домой, беру виски, пытаюсь забыться, но не могу. В голове только одно: как я могу спасти её? Да, тварь, да, шлюху. Да, уже не мою. Но, блядь, если она умрет я сойду с ума. Я перегрызу свои вены зубами. Ночь проходит в агонии. Утром, с больной головой, понимаю, что должен что-то делать. Беру телефон, набираю номер адвоката.

- Виталий, мне нужно, чтобы Алиса отказалась от ребёнка. Ты можешь это устроить?

Он молчит на другом конце, потом тихо отвечает:

- Марат, ты уверен? Это очень серьёзно.

- Чёрт возьми, да! Сделай это, и быстро, — кричу я в трубку.

- Будет сделано... Я как раз еду в роддом.

Дни проходят в тумане. Я не знаю, что происходит, но чувствую, как время уходит. Встречаюсь с Виталием, он прино-

сит документы.

- Она подписала, — говорит он, передавая бумаги мне. Я смотрю на них, внутри всё переворачивается.

- Хорошо, — шепчу я, забирая документы.

Снова встречаюсь с Аминат. Передаю ей бумаги, её глаза сверкают торжеством.

- Ты сделал правильный выбор, — говорит она, забирая документы. Я молчу, ярость и ненависть бурлят внутри. — Но это только начало... Я жду когда ты принесешь этого маленького ублюдка ко мне.

- Зачем тебе ребенок, Аминат?

- Мой муж...какая насмешка, ведь он знал, что я бесплодна, он завещал часть денег мне, а часть своему ребенку, которого нет и не должно было быть! Я хочу чтобы все деньги остались в семье!

Она уходит, я остаюсь один. Виски больше не помогает. Только пустота и боль. Моя жизнь разрушена, но я спас Алису. Не знаю, правильно ли это, но выбора у меня не было. Возвращаюсь домой, ложусь на кровать, смотрю в потолок. Внутри всё горит. Отдать ей младенца...младенца, которого я не ждал и не любил, зачатого в боли и насилии.

Я договариваюсь с начальницей тюрьмы. Лидия Ивановна, женщина с холодными глазами и лицом, на котором не читается ни капли сочувствия. Мы встречаемся в небольшом

ресторане в городе, и я ставлю перед ней условия. Она должна передать мне ребёнка Алисы в ближайшее время. Деньги, много денег — это всё, что нужно для того, чтобы она согласилась. Её глаза светятся жадностью, и она кивает. Всё решено. Проходит время. Нервы натянуты до предела. Я жду, когда всё будет сделано. Наконец, приходит день, когда я должен забрать ребёнка. Я жду эту продажную шкуру на окраине города. Она передаёт мне малыша, завернутого в одеяло. Я передаю ей чемоданчик с наличностью. Молча. Все молча.

Она уходит, а я остаюсь с младенцем на руках. Я смотрю на него и сердце сжимается. Он похож на Алису. Белокурый, глаза светлые, кожа белая. Вижу её черты, и внутри всё кипит. Малыш заплакал, и я инстинктивно принялся его покачивать... и даже напевать что-то себе под нос. Потом спохватился и замолчал, всматриваясь в нежное личико. Сстиснув челюсти, я решаю, что ребёнок не достанется Аминат. Он никому не достанется.

Я еду за много километров в другой город, беру малыша на руки и направляюсь к "окну жизни". Место, где оставляют ненужных детей в одном из домов малютки. Он кричит от голода, разрывается и рвет мне душу и сердце. Но это мой выбор. Я выбираю жизнь. Потому что Аминат уничтожит этого ребенка, как только переоформит все на себя как его опекун. Я подхожу к серому зданию, сердце бьётся, как сумасшедшее. В голове только одна мысль — защитить его от Аминат. Если суждено...то когда-нибудь он найдется.

Оставляя малыша в "окне жизни", он плачет, словно зовет меня, но я уже решил. Дожидаюсь, пока кто-то из работников дома малютки заберёт мальчика. Смотрю, как они его уносят, и внутри всё переворачивается. Но это лучшее решение. Он будет в безопасности.

Возвращаюсь домой. Аминат уже знает. Она врывается в мой дом, глаза горят ненавистью.

- Где ребёнок? – кричит она. Стою перед ней непреклонный, сжимаю кулаки.

- Он не достанется тебе, – отвечаю я. Её лицо искажается от ярости, и она бьёт меня по щеке. Рывком хватаю её за руку, глаза суки расширяются от ужаса. В этот момент подскакивают её люди, наставив на меня пистолеты. Чувствую, как металл холодит кожу на затылке, но мне всё равно. Внутри меня бушует дьявольский огонь.

- Ты не получишь его, – шепчу я сквозь стиснутые зубы. Её люди готовы стрелять, но я стою твёрдо.

- Ты долбанный, больной ублюдок, твои мозги сожрал алкоголь! – шипит она, пытаясь вырваться. - Ты испортил все мои планы! Ты за это заплатишь!

Её слова, как яд, но я не поддаюсь. Я знаю, что сделал правильный выбор. Малыш будет в безопасности. Пусть она рвёт и мечет, мне всё равно.

- Ты тронешь женщину? Беззащитную? Безоружную? А слабо наказать меня? Мужика? М?

- Беззащитная овца убила моего мужа!

- С чего ты так решила? Может я с ней договорился и твоего козла убил именно я?

- Тогда почему она вытащила тебя из тюрьмы?

- Это уже не твое дело! Давай! Используй меня! Ты же хочешь мести! Мсти!

- Уберите пушки! – командует она.

Её люди медленно опускают пистолеты, видя, что разжал руки. Аминат отступает, её глаза полны ненависти.

- Это не конец, Марат. Ты пожалеешь об этом. Потому что я отомщу именно тебе! А теперь просто ответь - куда ты отнёс ребёнка? — шипит она, её голос леденящий. Я смотрю на неё, сердце стучит, как барабан. В голове только одна мысль — защищать.

- Ребёнок умер, — говорю я, голос ровный, холодный. - Я выбросил его тело в реку. Все. Забудь. Нет ребенка!

Она смотрит на меня, глаза сужаются.

- Ты лжёшь, — говорит она, приближаясь. - Я вижу это. Ты думаешь, что сможешь обмануть меня? Я молчу, сжимаю кулаки. Она не должна узнать правду. Никогда.

- Он мёртв, — повторяю я, чувствуя, как внутри всё кипит. - Его больше нет. Если ты хотела причинить боль Алисе, то ты опоздала. Это сделал я. Или ты думаешь я позволил бы жить этому ублюдку? Моя жена сделала меня рогоносцем и трахалась с твоим мужем!

- Ты... ты убил младенца?

- Да, я свернул ему шею и вышвырнул его в реку.

- Да ты монстр! — она расхохоталась. — Это тоже неплохой исход!

Ее смех холодный и жестокий.

- Но ты все же думаешь, что можешь меня остановить? Ты ошибаешься, Марат. Она приближается ещё ближе, её лицо искажено яростью. - Я заставлю тебя подчиниться. Ты будешь стоять на коленях передо мной.

Я смотрю на неё, глаза налиты кровью. Все вены пульсируют от напряжения, мне хочется оторвать ей голову голыми руками.

- Никогда, — рычу я, готовый сорваться. Но она продолжает, её голос становится ещё более зловещим.

- Если хочешь, чтобы твой уродец Шамиль и твоя любимая сука Алиса остались живы, ты женишься на Мадине. Ты станешь моей личной шавкой. Одно неверное слово — и ты получишь в коробке пальцы Алисы и Шамиля.

Внутри всё закипает, ярость накатывает волной.

- Только тронь моего сына и тебе матку наизнанку выверну!

- У меня нет матки, дорогой. Так что ты в пролете!

- Ты думаешь, что можешь меня сломать? Ты ошибаешься, Аминат.

Но её глаза полны уверенности. Она знает, что держит меня за яйца.

- Ты сделаешь, как я говорю, — шипит она, её голос ти-

хий, но полный угрозы. - Иначе ты потеряешь всё, что тебе дорого. И это далеко не дом и деньги!

Сжимаю кулаки, чувствую, как ногти врезаются в ладони. Ненависть к Аминат бурлит внутри, но я знаю, что она способна на всё. Я не могу рисковать жизнью Алисы и Шамиля.

- Хочешь женить меня на Мадине? — спрашиваю, голос полон презрения. — На хрена тебе это?

- Твоя маленькая сестричка помогала мне. Я пообещала, что помогу ей. И она станет твоей женой. А еще это такое наслаждение заставить тебя подчиниться моим приказам.

- Блядь! Твою ж мать! Мадина!

- О дааа, но я не обещала ей, что все будет сладко. Надо бороться своих желаний. Они могут исполниться. Ты женишься на Мадине, — говорит она, её глаза сверкают торжеством. - Ты станешь моим. Ты будешь делать всё, что я скажу.

Я смотрю на неё, ярость и ненависть борются внутри меня.

- Хорошо, — шепчу я, чувствуя, как внутри всё сжимается. - Я сделаю это. Но знай, придет время и я начну исполнять свои желания.

- Разве что на том свете, Марат.

Аминат улыбается, её лицо сияет победой.

- Ты сделал правильный выбор, Марат. Ты мой. И ты всегда будешь моим.

Она разворачивается и уходит, оставляя меня одного в комнате. Я смотрю ей вслед, чувствуя, как внутри всё горит.

Проходит несколько дней. Я пытаюсь смириться с этой мыслью, но это невозможно. Жениться на Мадине. Стать шавкой Аминат. Я чувствую, как каждый день внутри меня умирает что-то. Я живу только ради той, кто меня предала и моего маленького Шамиля. Но это не жизнь. Это ад.

Глава 5

Глаза Мадины полны ожидания.

- Ты знаешь, что я люблю тебя, Марат, — говорит она, её голос мягкий. - Я всегда хотела быть с тобой.

Я смотрю на неё, чувствуя, как внутри всё сжимается от отвращения. Сука, которая отвела Алису в полицию... Сука, которая знала об ее изменах.

- Я делаю это не ради тебя, — говорю я, голос холодный. — Ты мне безразлична и противна. Между нами никогда ничего не будет. При первой же возможности я с тобой разведусь.

- Я все это делала ради тебя!

- Спелась с моим врагом? Докладывала ей о том, что происходит в семье? Свела в могилу бабушку? Это ты делала ради меня?

Замахнулся, чтобы отвесить ей оплеуху, но остановился. Она сжалась в комок, спрятала лицо. Я хотел ударить так чтоб отлетела на несколько метров, но не смог.

Пока не смог. Но если будет нудить и попадаться мне на глаза, то я за себя не отвечаю.

- Я люблю тебя! — шепчет она.

- Хера с два! Ты любишь себя! Ты любишь себя рядом со мной!

- Мы сможем быть счастливы. Вместе.

- Счастливы? Поверь, теперь ты будешь самой несчастной, я тебе обеспечу ад. Ты пожалеешь, что вышла за меня замуж!

Свадьба проходит в тишине. Нет радости, нет праздника. Только холод и пустота. Я смотрю на Аминат, её лицо сияет торжеством. Она победила. Она сломала меня. Но я не сломаюсь окончательно. Да, моя жизнь теперь похожа на бесконечное разложение мертвеца, но я не встану на колени.

Свадьба. Чертовски пышная, не моя. В голове только ярость. Мадина стоит рядом, улыбается. Аминат тоже улыбается. Она выиграла. Я в костюме, который жмет, словно петля на шее. Вокруг гости, радость, смех. Но внутри меня все кипит. Хочу всё к черту разнести, но держусь. Не хочу доставить им удовольствие видеть меня в дерьме, неуравновешенного, отчаявшегося, беспомощного.

Пытаюсь не напиться, но не получается. Виски льется рекой. Один бокал, второй, третий. Голова уже плывет, но мне всё равно. Мадина что-то говорит, но я не слушаю. Всё это фальшивка. Чертова игра, в которой я марионетка. Аминат наблюдает, её глаза сверкают холодным торжеством.

Церемония заканчивается, мы выходим. Шампанское, тосты, поздравления. Внутри только пустота и огонь. Напиваюсь в хлам. Мадина ведет меня в комнату. Её руки нежные, но я чувствую только отвращение. В голове пьяный туман, все расплывается. Она пытается меня удержать, но я вырываюсь. Хочу уйти, хочу забыть. Я не собираюсь ее трахать.

Лучше блядь отрезать себе член.

Аминат появляется из ниоткуда. Её лицо маячит перед глазами, она томно поводит ресницами.

- Идем со мной Марат...ты же помнишь – подчинение и все будет хорошо, — говорит она, и я не могу сопротивляться. Она ведет меня в свою комнату. Закрывает дверь. В голове туман, но я вижу, как она медленно снимает одежду. Её тело стройное, но я не чувствую ничего. Только ярость.

Она ложится на кровать, её глаза сверкают.

- Ты отнял у меня мужа, значит, станешь моим любовником, — шипит она. Ослушаешься – пожалеешь. удовлетвори меня, Марат! Твоя шлюха кричала од тобой? Она трахалась с моим мужем, а я буду трахаться с тобой. Давай...начинай мне угождать. Не забывай, что я знаю где твой сын. Хочешь уже через час тебе привезут его мизинец? И не думай меня убить...я отдала приказ, что как только умираю я – умирает и твоя шалава и твой сын! Так что моя жизнь – залог того, что и они будут жить!

Слова режут слух, как нож. Я смотрю на неё, сжимаю кулаки. Ругаюсь сквозь зубы, но делаю шаг к постели. Потом ещё один. Внутри всё горит, но я знаю, что должен это сделать. Подхожу ближе, её глаза полны торжества. Хочу убить её, но не могу. Она сильнее. Она держит мою жизнь в своих руках. Ненавижу её, ненавижу себя. Но делаю то, что она требует.

- У меня не стоит..., - хрипло говорю я и смотрю на нее,

- не все можно сделать по твоему приказу.

- Ублюдок! – шипит она и встает с постели. Голая, красивая и мерзкая до тошноты. Опускается передо мной на колени, сдергивает с меня штаны и берет мой вялый член в рот. Он встает... через какое-то время. Она поворачивается ко мне задницей и прогибается. Сука! Хера с два ты получишь удовольствие. Я пристраиваюсь сзади и рывком врываюсь в ее анус. Орет от боли. Но я крепко держу ее за волосы.

- Начинай получать удовольствие... Аминат!

И она таки его получает. Кончает тварь подо мной и бесит еще больше. Я ебу ее как последнюю псину, во все дырки, она сосет мой член после своей задницы и я кончаю ей в горло. И с яростью я вижу, что она довольна. Тварь!

Всё расплывается в пьяном тумане. Её тело рядом, её дыхание. Холодное, пустое. Я лежу на спине, смотрю в потолок. Внутри только боль и ненависть. Всё это ад. Чистый, выжигающий душу ад.

Утро приходит с головной болью и ощущением грязи. Встаю, едва держась на ногах. Вижу, как Аминат смотрит на меня, её глаза полны удовлетворения. Она выиграла. Но я ещё жив. Я не сломался. Выхожу из комнаты, Мадина ждёт меня. Её лицо полное тревоги.

- Что случилось? — спрашивает она, - Зачем ты ей был нужен?

- Чтобы оттрахал ее.

- И ты... ты это сделал? – кричит Мадина, дрожа всем те-

лом.

- Да, я это сделал и сделаю столько раз, сколько она захочет. Ты ведь этого хотела, когда сливала меня ей?

Она рыдает, а я уйду к себе в комнату, чтобы стоять под душем и смывать с себя прикосновения и слюни этой суки. Я ее трахал. А кажется, что меня изнасиловали. Ублюдина!

Проходит несколько дней. Жизнь становится ещё более пустой. Виски больше не помогает. Каждая ночь – это ад. Каждый день – это борьба с самим собой. Но я держусь. Деньги Мадина уходит на долги, на расплату с кредиторами. У нее большое состояние... я даже не думал, что эта дрянь имеет такие активы.

Аминат продолжает контролировать мою жизнь. Её приказы становятся всё более жестокими. Но я выполняю их, сжимая зубы. Я не сломаюсь. Я не позволю ей победить окончательно. Мадина пытается быть рядом, но я с омерзением отталкиваю её. Она часть этой игры, и я не могу ей доверять. Однажды я сверну ей шею... Однажды я оставлю ее без копейки и вышвырну на улицу.

Вечером Аминат вызывает меня к себе. Её глаза сверкают, она красиво одета, от нее веет лоском и аристократизмом. А еще мертвечиной. Горгона, блядь. Ее волосы, эти змеи на

голове, когда я пьяный деру ее со всей мочи, мне противно к ним прикасаться, мне кажется что они кишат на ее голове.

- Ты хорошо себя ведёшь, Марат, — говорит она, её голос полный сарказма. - Но помни, одно неверное слово – и ты потеряешь всё.

Я смотрю на неё, сдерживая ярость.

- Наслаждайся, — шепчу я, чувствуя, как внутри всё кипит.

Её глаза сверкают, она уже раздета. Я подхожу к ней, внутри всё кипит. Грубо хватаю её, её дыхание становится прерывистым. Она любит это, ей нравится моя ярость. Мы занимаемся сексом, грубо, жестоко. Я не чувствую ничего, только боль и пустоту.

После она лежит рядом, её рука на моей груди.

- Теперь я твой агент, — говорит она, её голос полный уверенности. - У тебя скоро будет новый бой. Ты получишь тридцать процентов, если выиграешь. Пора тебе постепенно вылезать из дерьма. Но только так, как я скажу.

Я смотрю на неё, глаза налиты кровью.

- Ты думаешь, что можешь контролировать меня? — шепчу я, голос полный ярости. Она улыбается, её лицо сияет торжеством.

- Я уже контролирую тебя, Марат. Ты мой. И ты всегда будешь моим.

Наступает день боя. Я выхожу на ринг, внутри всё кипит. Противник сильный, но я сильнее. Вижу его лицо, и в нём всё зло, что я чувствую к Аминат, Мадине, всему этому миру. Я бью его с яростью, чувствую, как каждый удар освобождает меня от части боли. Я ломаю ему кости, я понимаю, что после этих ударов он станет инвалидом, но мне плевать. Победа. Я стою над побеждённым противником, сердце бьётся, как сумасшедшее. Внутри всё ещё огонь, но я знаю, что это только начало. Я не сломаюсь. Я буду бороться до конца. Придет день когда я вытащу из Аминат позвоночник и отдам собакам. Возвращаюсь в раздевалку, Горгона ждёт меня там. Её лицо сияет, глаза сверкают торжеством.

- Ты сделал это, Марат, — говорит она, её голос полный удовлетворения. - Ты победил. Теперь у тебя есть шанс выбраться из дерьма. Но помни, это только начало. И помни... кто дает тебе шанс.

- Засунь этот шанс себе в пи***у!

- Какие мы грубые... Я хочу чтобы ты вылизал меня прямо здесь.

- Я могу только оторвать тебе клитор. Шах не предлагал тебе обрезание? Ты слишком озабоченная. Давай...отсоси и я может быть тебя здесь трахну.

- Трахнешь! – рычит она и становится на колени. Со всей дури бью ее по лицу, а она смеется, широко открывает рот и

заглатывает мой член. Чтоб ты подавилась и сдохла, мразь... Но мне пока нужно чтобы она оставалась живой. Пока я не отниму у нее сына и не буду уверен, что Алисе ничего не угрожает.

Всю ночь я не могла уснуть. Мысли, как острые ножи, резали разум на части. Марат. Его лицо, его глаза, его голос – всё это стало для меня ядом, который я вливала в себя с каждым воспоминанием. С каким-то едким мазохизмом я сводила сама себя с ума. Мне болело. Болело так сильно, что иногда казалось, что кожу содрали до мяса. Как мог он так предать меня? Как мог он так жестоко поступить с Шамилем? С ЕГО Шамилем... Я хотела вырвать это имя из своих мыслей, но оно пульсировало, как незаживающая рана. Каждый раз, когда я вспоминала о мальчике, я чувствовала, как в груди разливается холод, а внутри всё сжимается от боли.

Я любила его, заботилась о нём, словно он был частью меня. Я знала, что он не мой сын, но это никогда не имело значения. Для меня он стал родным. Марат принес его в мою жизнь, и я приняла его всей душой. Когда я узнала о том, что Шамиля отправили в этот ужасный интернат, что он страдает в боли и одиночестве, сердце разрывалось от тоски. Я чувствовала, как ненависть и ярость раздирают меня на части, как каждая часть моего существа кипит от злости и беспомощности. Как Марат мог так поступить? Как мог он оставить его в таком месте, где каждый день для Шамиля – ад? Я старалась быть сильной, старалась не поддаваться этим мыс-

лям, но каждый раз, когда я закрывала глаза, передо мной вставало лицо Шамиля. Я видела его испуганные глаза, слышала его крики, и внутри меня всё переворачивалось от боли.

В тот день, когда кусок меня словно отмер, я сидела в комнате, нервно барабанила пальцами по столу. Внутри меня всё кипело, всё сжималось от напряжения. Мирот сказал, что у него есть важная информация для меня, что мне нужно увидеть её собственными глазами. Я не знала, что ожидать, но сердце подсказывало мне, что ничего хорошего я не увижу. Когда он вошёл в комнату, его лицо было серьёзным, даже немного мрачным. Он молча положил передо мной толстую папку с фотографиями. Я не сразу решилась её открыть. В голове пульсировала мысль, что мне лучше не знать правду, что лучше жить в неведении. Но я знала, что должна это сделать. Я должна была узнать всё, каким бы ужасным это ни оказалось. Я открыла папку и начала перелистывать фотографии. Сначала были обычные снимки – Марат с Аминат в общественных местах, в ресторанах, на встречах. Но с каждым новым снимком мне становилось всё хуже. Вижу их вместе, смеющихся, их тела близко друг к другу, словно между ними нет ничего и никого. Я чувствовала, как внутри всё холодеет, как каждая фотография вырезает часть моего сердца. Но самое страшное началось, когда я дошла до фо-

тографий, сделанных явно в тайне, с камер, установленных в спальне. Я смотрела на то, как Марат обнимает Аминат, как его руки скользят по её телу, как она, смеясь, опрокидывает его на кровать. Эти кадры были отвратительны, грязны, словно они пытались вытравить из меня последние остатки того, что связывало меня с ним.

Я видела, как Марат, тот самый Марат, которого я когда-то любила, был у неё в постели. Я видела, как его руки скользили по её коже, как его губы касались её шеи, как они сливались в поцелуях, от которых у меня внутри всё переворачивалось. Но что меня поразило больше всего – это его лицо. На этих снимках я видела человека, который был сломлен, чьи глаза были полны пустоты, чьи движения были механическими. Он стал её игрушкой. Не мужчиной, не любовником, а просто вещью, которой она управляла, как хотела. Снимки показывали каждую мерзкую деталь их связи. Они были brutальны в своей откровенности, в том, как Марат выполнял её прихоти, как он спивался, становился всё более жалким. Я видела, как он пил в баре с Аминат, как его лицо становилось всё более угрюмым, а глаза – потухшими. Он больше не был тем Маратом, которого я знала. Он превратился в тень самого себя, игрушку в руках женщины, которая использовала его для своих целей.

Миро сидел напротив, молча наблюдая за моей реакцией. Он видел, как я сжимаю кулаки, как мои руки дрожат от ярости и отвращения. Я не могла сдержать слёз, они сами текли

по моим щекам, капали на фотографии, которые разрывали моё сердце на куски. Как мог он так опуститься? Как мог он стать этим жалким существом?

- Она его агент, – тихо сказал Миро, его голос был наполнен сожалением. Она полностью контролирует его. Марат – её марионетка, её любовник. Он больше не принадлежит самому себе.

Эти слова вонзились в меня, как острые бритвы. Всё, что я видела, всё, что я узнала, показало мне, что Марат больше не тот человек, которого я знала и любила. Он стал другим, стал её. Это было невыносимо. Я чувствовала, как внутри меня всё горит от ненависти к ним обоим, но ещё больше я ненавидела себя за то, что когда-то верила в него, за то, что когда-то любила его.

Я захлопнула папку, чувствуя, как меня накрывает волна отвращения и боли. Я не могла больше смотреть на эти снимки. Миро сидел молча, понимая, что мне нужно время, чтобы переварить увиденное. Но я знала одно – я больше никогда не смогу смотреть на Марата так, как смотрела раньше. Он был мёртв для меня, как мужчина, как человек. Его больше не существовало в моём мире. Эти снимки – последнее, что я хотела видеть. Но теперь они были выжжены в моей памяти навсегда, словно клеймо, напоминающее о том, кто он есть на самом деле. О том, как низко он пал. О том, что моя любовь к нему была лишь иллюзией.

И где-то на задворках этого ада вырисовывалась сука – Мадина. Мадина, его жена. Моя ревность к ней была почти осязаема. Она стояла между нами, как невидимая преграда, всегда присутствующая, всегда напоминающая о том, что я была лишь временной частью его жизни. Она получила от него всё, что я хотела, и это сводило меня с ума. Я пыталась прогнать эти мысли, но они возвращались вновь и вновь, как беспощадные волны, накатывающие на меня и утягивающие в бездну. Но если свадьбу с Мадиной я могла понять. Не принять, нет, а хотя бы понять, то его отвратительные, гадкие отношения с Аминат просто разъедали меня как кислота.

Когда я узнала, что Шамиля забрали в этот ужасный интернат, я не могла просто сидеть сложа руки. Мне нужно было действовать. Я должна была спасти его, должна была вытащить его оттуда, даже если это было бы последнее, что я сделала в своей жизни. Мирот был моим единственным спасением в этом хаосе. Этот человек, верный Раде, теперь стал моей последней надеждой. Я знала, что могу доверять ему, знала, что он поможет мне, как помогал Раде.

Мирот был старше меня, но его ум был острым, как лезвие, его связи простирались далеко за пределы того, что я могла представить. Когда я рассказала ему о том, что узнала, когда поделилась своими страхами и болью, он посмотрел на меня с глубокой грустью в глазах. Я видела в его взгляде то, что не видела уже долгое время – понимание. Он видел мою боль,

чувствовал её, и это было тем, чего я так отчаянно искала.

- Ты должна действовать быстро, – сказал он, его голос был спокоен, но твёрд. - Мы найдём Шамиля, вытащим его оттуда. Но ты должна быть готова к тому, что тебе придётся пойти на крайние меры. Я кивнула, не понимая до конца, что он имел в виду, но зная одно – я должна сделать всё, чтобы спасти Шамиля. Мирон нашёл детектива, человека с тёмным прошлым и мрачными глазами, который мог проникнуть в самые скрытые уголки и добыть информацию, которую никто другой не смог бы найти. Я знала, что могу довериться ему, знала, что он сделает всё возможное.

Прошло несколько дней, но для меня это было как вечность. Каждый час, каждую минуту я думала о Шамиле, представляла себе, как он страдает, как его хрупкая психика разрушается под давлением жестоких условий интерната. Моё сердце сжималось от боли, и я не могла найти покоя. Наконец, детектив сообщил, что он нашёл его. Шамиль был в закрытом специнтернате для детей с тяжёлым аутизмом. Условия были ужасны. Я чувствовала, как внутри меня всё переворачивается, когда я услышала это. Детектив рассказал, что Шамиля перевели туда недавно, по настоянию неких лиц. Он не смог узнать, кто именно, но я знала – это была Аминат или Мадина. Они хотели навсегда убрать его из жизни Марата, чтобы не мешал... а он позволил. Ублюдок! И это разрывало меня на части. Я ненавидела их всех. Ненавидела Марата, ненавидела Аминат, ненавидела Мадину. Они раз-

рушили всё, что было для меня важным. Но больше всего я ненавидела себя за то, что позволила этому случиться. Потеряла своего сына, которого украл Марат, потеряла Шамиля.

- Мы должны его спасти, – сказала я Миро, когда он сообщил мне эту ужасную новость. - Мы должны вытащить его оттуда, любой ценой.

Миро посмотрел на меня с серьёзным выражением лица.

- Это будет нелегко, и не дешево, – ответил он. - Но у меня есть план. Ты должна мне доверять, Алиса. Это будет опасно, но я знаю, как сделать так, чтобы никто не узнал, что Шамиль у тебя.

Его слова удивили меня.

- Что ты имеешь в виду? – спросила я, чувствуя, как внутри меня всё сжимается от надежды и страха.

- Если мы хотим, чтобы Шамиль был в безопасности, чтобы никто не пытался его найти и уничтожить, все должны поверить, что он умер, – объяснил Миро. - Это единственный способ защитить его и дать ему шанс на нормальную жизнь.

Я замерла, осознавая, что он говорит. Миро собирался инсценировать смерть Шамиля, чтобы спасти его. Это было безумно, это было рискованно, но это был единственный выход. Я понимала, что не могу позволить себе слабость, что должна быть сильной ради Шамиля и моего малыша. Но эта мысль всё равно разрывала меня на части. Как я могу сделать это? Как я могу позволить всем думать, что Шамиль мёртв, даже если это ради его спасения? Но я знала, что у

меня нет выбора. Я должна была довериться Миро, как доверялась Раде. Я кивнула, сжимая кулаки, чтобы не показать, как внутри меня всё дрожит от страха.

- Сделай это, – сказала я тихо. - Сделай всё, что нужно.

Миро кивнул, и я видела в его глазах тот же холодный расчёт, который когда-то был у Рады. Он знал, что делает, и я знала, что могу довериться ему. Я не стала спрашивать, как он собирается это сделать, не стала вникать в детали. Темные дела Миро решал сам, так было и при Раде. Я знала, что он сделает всё, чтобы защитить Шамиля и меня.

И вот, наконец, Миро пришёл ко мне с новостями. Его лицо было серьёзным, но в глазах читалась твёрдая решимость.

- Всё готово, – сказал он, его голос был тихим, но твёрдым. - Шамиль больше не существует для этого мира. Теперь он будет в безопасности, под другим именем, в другом месте.

- У меня!

- У тебя... Здесь все его документы. Новая жизнь, где ты его мать.

- Как ты это сделал...

- Сгорела крыло лазарета... Дети не пострадали. Больше тебе знать не нужно. Это лишние детали.

Я не могла сдержать слёз. Я была так благодарна Миро. Обняла его и спрятала лицо у него на груди. А он погладил меня по голове.

- Ты столько делаешь для меня, Миро.

- Рада попросила...Для меня ее просьба закон. Она просила заботиться о тебе так, как если бы ты была моей дочерью. И я буду.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Мои глаза покраснели от слёз. Но я знала, что не могу позволить себе слабость. Я должна была быть сильной, должна была бороться до конца. Я вытерла слёзы и посмотрела на себя с решимостью.

Теперь у меня была цель. Я должна была сделать всё, чтобы Шамиль был счастлив. Я должна была бороться ради него, ради его будущего...а еще ради того, чтобы найти МОЕГО сына и забрать его тоже. И я знала, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы добиться этого.

Аминат и Мадина, Марат – все они станут моими врагами. Я знала, что моя ненависть к ним будет моим топливом, моей силой.

Глава 6

Когда Шамиля привезли ко мне, сердце застучало так сильно, что я едва могла дышать. Казалось, воздух в комнате сгустился, становился тяжёлым, как будто пропитался всем тем ужасом, который этот ребёнок пережил в своей жизни. Он стоял на пороге, его глаза были тусклыми и полными страха, разбитый ребёнок, которому выпала судьба прожить слишком много боли.

Когда наши взгляды встретились, я увидела, как его тело напряглось, как он почти незаметно отступил назад, словно в попытке сбежать от чего-то невидимого, что было только в его голове. Он не узнал меня. Или, может быть, узнал, но не мог поверить, что это я. В голове пронеслись воспоминания – как я впервые встретила его, как я старалась стать ему матерью, хотя знала, что у него была другая, которая оставила его навсегда. Я медленно, осторожно подошла к нему, стараясь не напугать. В каждом моем движении была заложена вся нежность и любовь, которую я пыталась передать. Я знала, что мальчик слишком много пережил, чтобы сразу открыться, но внутри меня горела надежда – он должен помнить меня. Я тихо позвала его по имени, голос мой был едва слышен, но я видела, как его глаза расширились, как в них мелькнуло что-то знакомое, что-то от того прошлого, которое мы делили.

«Шамиль... это я, Алиса», – проговорила я, и в этот момент он замер. Каждое слово давалось мне с трудом, будто я пробиралась сквозь густой, вязкий туман боли и страха. Его губы дрогнули, будто он пытался что-то сказать, но слова не выходили. Мальчик начал нервно теребить рукава своей куртки, словно искал в этом жесте хоть какую-то опору. Я опустилась перед ним на колени, так чтобы наши глаза были на одном уровне, и медленно протянула руку, не дотрагиваясь до него, просто протянула, давая понять, что он сам может решить – хочет он прикоснуться ко мне или нет. Мгновение длилось вечность. Я видела, как он борется с собой, как его внутренние демоны пытаются оттолкнуть от меня, но я знала, что должна дать ему время. Это было испытание на прочность для нас обоих.

И вот, в какой-то момент, его маленькая ручка медленно двинулась к моей. Я почувствовала, как его пальцы коснулись моей кожи, робко, едва заметно, но это прикосновение было для меня как взрыв. Слёзы хлынули из глаз, я не могла их сдержать. Я взяла его руку в свою и крепко сжала, будто пытаюсь передать ему всю свою любовь, всю силу, что была у меня. Он не отдернул руку, он просто смотрел на меня, и в этих глазах вновь начало появляться что-то живое, что-то от того Шамиля, которого я знала.

- Аляля... - прошептал он и я не разрыдалась только потому что боялась его напугать.

Мы сидели так несколько минут, не отрываясь друг от друга. Я не могла произнести ни слова, не могла пошевелиться, боясь разрушить этот хрупкий момент, который был важен для нас обоих. В этот миг я поняла, что ради него готова на всё. Я спасу его, верну к жизни, пусть даже мне придётся пройти через ад. Шамиль был моим ребёнком, даже если не по крови, и я не позволю никому снова его ранить.

Прошло немного времени, прежде чем я смогла уговорить его оторвать взгляд от пола и посмотреть на меня. Мы провели вместе весь день, и это было странное, болезненное, но такое необходимое для нас обоих время. Я видела, как он медленно, по крупицам возвращается ко мне, как его взгляд становится чуть менее туманным, как в его движениях появляется чуть больше уверенности. Мы играли, разговаривали – точнее, я говорила, а он слушал – читали ту самую книжку, которую он любил три года назад. Эти моменты были для меня словно бальзам на душу, но я знала, что впереди нас ждёт ещё много трудностей. Но, несмотря ни на что, я была готова. Ради него. Одного сына я нашла... я обязательно найду и другого.

После встречи с Шамилем я чувствовала себя разбитой, но вместе с тем внутри меня зажёгся новый огонь – огонь решимости. Я знала, что должна сделать всё, чтобы защи-

тить его. Но прежде чем я смогу это сделать, мне нужно было вернуться к тому, с чего всё началось. В старый дом Марата, куда он привел меня..тот самый, который выкупила Аминат и оставила в заброшенности словно символ умирания Салмановых.

Я села в машину и поехала к этому дому. По мере того, как я приближалась к месту, сердце начинало биться всё сильнее. Я чувствовала, как ностальгия и боль переплетаются в один клубок внутри меня. Этот дом был для меня символом не любви...символом прошлого. Той кем я больше никогда не стану..., а еще теперь он стал напоминанием о предательстве, о том, как всё пошло не так. Когда я остановила машину и вышла, мои ноги слегка дрожали. Я стояла на месте и смотрела на здание, которое казалось таким же мрачным и холодным, как мои воспоминания о нём.

Всё здесь было как-то по-другому. Трава у крыльца заросла, окно на втором этаже было разбито. В этом месте не было той жизни, как раньше. Но всё же, когда я закрыла глаза, воспоминания нахлынули на меня с такой силой, что я едва могла устоять. Я вспомнила, как впервые пришла сюда, как Марат открыл передо мной дверь и впустил меня в этот дом, в свою жизнь. Бабушка Зулейха... Как я могла забыть её? Старушка, которая приняла меня, словно я была её родной внучкой. Она была светом в этом доме, хранительницей всего того, что было у нас с Маратом. Её доброта и мудрость

спасли меня не раз, и я знала, что если бы она была жива, ничего из того, что произошло, не случилось бы. Она бы не позволила. Но Зулейха ушла, и вместе с ней ушло все... остались только злоба, ненависть и предательство. Погружённая в свои мысли, я не сразу заметила движение в кустах возле забора. Это было едва уловимое шуршание, которое на секунду отвлекло меня от размышлений. Я сделала шаг вперёд, и вдруг из кустов выбежала грязная, худая кошка. Она бросилась к моим ногам, и я остановилась, не понимая, что происходит.

Я наклонилась и посмотрела на кошку, которая тёрлась об мои ноги, издавая жалобное мяуканье. Её шерсть была грязной и спутанной, ребра проступали сквозь кожу, глаза были воспалёнными. Но что-то в её облике показалось мне знакомым. Я опустилась на колени, чтобы разглядеть её получше, и вдруг меня пронзило осознание – это была Николь. Кошка бабушки Зулейхи. Николь, которую я знала с тех пор, как впервые переступила порог этого дома. Николь узнала меня, я видела это в её глазах. Она бросилась ко мне, едва удерживая равновесие на слабых лапах, и начала тереться о моё лицо, жалобно мурлыча. Я чувствовала, как внутри меня всё сжимается от жалости к этой бедной кошке, которая осталась совсем одна в этом пустом доме, голодная и измождённая. Она была последним живым напоминанием о Зулейхе, и я не могла просто так оставить её здесь.

Я взяла Николь на руки, прижала к себе, чувствуя, как она

дрожит всем телом. Её мурлыканье стало громче, как будто она пыталась сказать мне, что рада меня видеть, что она всё это время ждала, когда я вернусь. Я знала, что не могу оставить её здесь. Она была слишком важна для меня. Николь была последней ниточкой, связывающей меня с Зулейхой... а еще ее тоже предали. Пусть она станет символом моей мести.

Я вернулась домой с Николь на руках, и сразу же принялась за заботу о ней. Сначала я выкупала её, смывая с её шерсти всю грязь. Кошка не сопротивлялась, она лежала в моих руках, словно доверяя мне всю свою жизнь, и это чувство окутывало меня теплом, которое я давно не ощущала. Затем я вычесала её, удалила блох, которые успели облепить её тело. В её глазах появился слабый проблеск благодарности, и я знала, что делаю всё правильно.

После того как Николь была приведена в порядок, я вызвала ветеринара, чтобы убедиться, что с ней всё хорошо. Ветеринар осмотрел её, и, к моему облегчению, сообщил, что кошка здорова, но сильно истощена. Её нужно было откормить, дать ей время восстановиться. Я знала, что теперь Николь останется со мной. Я не могла допустить, чтобы она снова осталась одна, беззащитная и потерянная.

Когда ветеринар ушёл, я села на диван, и Николь тут же прыгнула ко мне на колени. Она свернулась клубком и начала мурлыкать, словно подтверждая, что нашла своё место в этом доме. Я чувствовала, как в моём сердце что-то смяг-

чается, как возвращение Николь привносит в мою жизнь частичку того тепла, которое я так долго потеряла. Она была не просто кошкой, она была напоминанием о том, что у меня всё ещё есть что-то важное, что-то настоящее.

Вечером, когда дом погрузился в тишину, и единственным звуком было тихое мурлыканье Николь, я снова села за стол и открыла папку с фотографиями. Эти снимки, которые принёс мне Мир, были олицетворением всего того, что произошло в моей жизни. Марат и Аминат. Их сцены, их объятия, их греховное, мерзкое удовольствие друг от друга. Каждый снимок был как нож в сердце, но я продолжала смотреть на них, словно пытаюсь найти в них смысл. В этих фотографиях была запечатлена вся мерзость и низость того, что случилось с Маратом. Он стал её игрушкой, её марионеткой. Я видела это в его глазах – он уже не был тем сильным, уверенным в себе мужчиной, которого я когда-то любила. Теперь он был сломлен, уничтожен изнутри, превратившись в пустую оболочку того, кем когда-то был. Аминат манипулировала им, играла его жизнью, как хотела. И это вызывало у меня не только отвращение, но и ненависть. Ненависть, которая пульсировала во мне, как горячая лава, готовая вырваться наружу. Я больше не могла просто сидеть и смотреть на это. Я не могла позволить им продолжать разрушать всё, что бы-

ло мне дорого. Шамиль, Николь, даже воспоминания о бабушке Зулейхе – всё это стало для меня мотивацией, толчком к действию. Я вызвала к себе Миро. Он пришёл сразу, как только я позвонила ему. Его лицо было серьёзным, глаза внимательно следили за моими движениями, словно он пытался угадать, что я скажу дальше. Я долго молчала, просто смотрела на фотографии перед собой, чувствуя, как внутри меня нарастает решимость.

- Пора начинать, – наконец, сказала я, поднимая на него глаза. В моём голосе звучала сталь, холодная и твёрдая. - Я больше не могу ждать. Мы должны действовать. Я хочу, чтобы они заплатили за всё!

Миро кивнул, его взгляд стал ещё более сосредоточенным. Он не задал ни одного вопроса, не попросил уточнить, что именно я имею в виду. Он знал, что это было неизбежно. Он видел, как я менялась, как боль и ненависть переполняли меня, и понимал, что я готова к решительным действиям.

- Я начну подготовку, – сказал он спокойно, словно обсуждал что-то обыденное. - Ты можешь на меня рассчитывать, Алиса. Я всё сделаю.

Я кивнула, чувствуя, как внутри меня разливается холодная решимость. Теперь я знала, что впереди меня ждёт трудный путь, но я была готова пройти его. Я больше не была той женщиной, которая позволяла другим решать за неё. Я больше не была жертвой. Теперь я была охотницей, и я хотела возмездия. Я его жаждала!

Когда Миро ушёл, я снова посмотрела на фотографии. В голове крутились мысли о том, что я должна сделать. Впереди была война, и я знала, что не смогу выйти из неё невредимой. Но я была готова. Ради Шамиля, ради Николь, ради памяти Зулейхи, ради самой себя. Я больше не позволю никому разрушать мою жизнь. Время мести пришло.

Глава 7

Сердце раскололось. Словно его резали ржавым ножом, оставляя рваные раны, из которых кровь текла непрерывным потоком. Я стоял, смотрел в окно. Небо чёрное, тяжёлое. Душно. Дышать нечем. Новости только что принесли. Шамиль. Мой сын. Мой маленький Шамиль. Он погиб. Сгорел. Пожар забрал его. Словно огонь поглотил всё моё сердце, всю мою душу. Всё, что у меня было. Всё, что осталось.

Голова кружится. Пол уходит из-под ног. Почему? Почему он? Почему не я? Он же ничего не сделал. Он же ни в чём не виноват. Маленький. Совсем маленький. Не успел ещё жить. А его уже нет. Его нет, понимаете? Нету. Никогда больше не будет. Никогда. Всё закончилось. Всё. Конец. Мой сын. Мой маленький Шамиль.

Ударил кулаком в стену. Ещё раз. И ещё. Кровь. Костяшки окрасились красным, но мне плевать. Боль? Какая боль? Ничего не чувствую. Только пустота. Чёрная, как это небо. Тяжёлая, как камень на груди. Хочу закричать, но не могу. Горло сдавило. Как будто что-то душит. Ничего не могу сказать. Ни слова. Слезы? Нет, нет слёз. Мужчины не плачут. Мужчины должны быть сильными. Но я не могу. Не могу больше. Кто-то вошёл в комнату. Аминат. Её глаза сверкают холодом. Она ничего не понимает. Никогда не поймёт. Су-

ка...как же я ненавижу эту мразь! Она подходит ко мне, обнимает. Но я не хочу её объятий. Хочу, чтобы она ушла. Чтобы все ушли. Хочу быть один. Один со своим горем, со своей болью. С этой пустотой, которая разрывает меня на части.

Похороны. По-чеченски. Всё, как надо. Как у нас принято. Мужчины молчат. Женщины плачут. Их крик раздрает тишину. Рвёт душу на куски. Чёрные платки на головах Лейлы и Мадины. Их глаза сухие. Как мои. Нет слёз. Слишком много боли. Слишком много горя. Все наши пришли родня...друзья. Все знают. Все понимают. Каждый чувствует. Но никто не говорит. Так положено. Так должно быть.

Кемаль, мой друг, читает дуа. Его голос — это глухой стук барабана. Медленно, размеренно. «Аллаху акбар...» — каждый раз, как удар ножом. Я стою, молчу. Смотрю на землю. Там, где лежит мой сын. Маленький. Беззащитный. Уже не чувствующий. Уже не живой. Земля поглотила его. Взяла его к себе. Похоронила. Лейла и Мадина причитают, склоняются к земле.

Земля сухая. Пыльная. Она обжигает руки. Тяжело. Но мы делаем это. Каждый должен положить горсть земли. Каждый должен проститься. Навсегда. Я беру горсть. Рука дрожит. Но я делаю это. Опускаю землю на его тело. Пыль под-

нимается. Попадает в глаза. Щиплет. Но я не моргаю. Не двигаюсь. Только стою. Смотрю.

Всё вокруг словно застыло. Ничего не слышно, кроме стука сердца. Тихого, но такого громкого. Каждое биение — как молот по рваным нервам...обнаженному мясу горя. Всё тело болит. Душа разрывается. Он не спит. Никогда больше не проснётся. Никогда больше не скажет: «Папа». Никогда.

Мы заканчиваем. Все медленно отходят. Я остаюсь. Стою. Один. Смотрю на могилу. Как будто если я буду смотреть достаточно долго, он вернётся. Откроет глаза. Скажет что-то. Но нет. Только тишина. Тяжёлая, как камень. Непроходимая, как стена. Я знаю, что виноват. Знаю, что это моя вина. Моя вина, что его больше нет. Что он сгорел. Я не смог его защитить. Как мне жить с этим? Не смог. Почему? Почему я не был рядом? Почему не уберёг? Каждый день буду спрашивать себя. Каждый день буду подыхать с этим. Но ответа не будет. Никогда.

Возвращаюсь домой. Тишина. Пустота. Никого нет. Только я и моя боль. Сажусь на пол. Смотрю в потолок. Вспоминаю его смех. Его глаза. Его улыбку. Маленькие ручки, которые обнимали меня, когда он был маленьким..когда еще не было диагноза, когда не начался откат. Когда я ещё был счастлив. Когда ещё была надежда. Но всё это прошло. Всё

это осталось в прошлом. Теперь есть только тьма. Только боль.

Аминат снова здесь. Она всегда здесь. Всегда рядом. Её глаза холодные. Она улыбается. Но эта улыбка — как лезвие ножа. Режет. Больнее, чем можно представить.

- Ещё хочешь? — спрашивает она, протягивая новый пакетик. Смотрю на него. Смотрю на неё. Плевать. На всё плевать. Беру. Вдыхаю. Снова взрыв. Снова боль. Но она уже не такая острая. Уже не так больно.

Я понимаю, что я слаб. Что я проиграл. Что она выиграла. Что она теперь контролирует меня. Как куклу. Как игрушку. Но мне всё равно. Пусть будет так. Пусть всё горит. Я уже сгорел. Внутри. Снаружи. Везде. Хочу забыть. Всё забыть.

Смотрю на Аминат. Она что-то говорит. Но я не слышу. Не хочу слышать. Её слова как яд. Они разрушают меня. Но я уже разрушен. Нет смысла. Никакого смысла. Вся моя жизнь — ложь. Всё, что у меня было, разрушено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.